

**«Новые истории»:
от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы¹**

*«Каждое поколение открывает для себя свои горизонты, заявляя об их «новизне» ... однако, эти перспективы могут быть расширены, а притязания на новизну умерены, если опереться на знания предшественников (или пренебречь ими)»
(Дональд Р. Келли, американский политолог)
«Впервые столкнувшись с ... новой историей, я думала, что понимаю, о чем идет речь. Сейчас у меня нет такой уверенности» (Гертруда Химмельфарб, американский историк)*

Ключевые слова: «новые истории», междисциплинарность, парадигма, «история-проблема».

Аннотация на русском языке

В статье И.Б. Орлова «"Новые истории": от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы» рассмотрены проблемы трансформации исторической науки на рубеже XX-XXI вв. Отмечены две тенденции развития исторического знания: дробление исторических дисциплин и, наоборот, тенденция к их объединению. Показано, что при всех достижениях «новой исторической науки» и наличия широкого спектра альтернативных направлений, ни одно из них не выполняет сегодня интегрирующей роли. Но отсутствие общего историографического проекта не отрицает наличия у «новой истории» серьезного потенциала для формирования общей системы подходов, принципов источниковедческого и историографического анализа, и исследовательского инструментария.

Key words: "new histories", interdisciplinarity, paradigm, "history as problem"

Abstract in English:

Professor I.B. Orlov's paper addresses problems of historical science transformation at the turn of the XX – XXI centuries. Two tendencies of historical knowledge development are discussed: the first one is the fractionalization of historical disciplines, the other one is the tendency towards their integration. Despite the achievements of the "new historical science" and a wide range of alternative schools, there is no integrator among them. But the absence of a common historiographical project does not mean that the "new history" is incapable of forming a common system of approaches, principles of source and historiography studies and research toolkit.

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы // Харьковський історіографічний збірник. Вип. 10. Х.: ХНУ імені Каразіна, 2010. С. 85-96.*

Проблемы трансформации исторической науки тесно связаны с общим ходом развития научного знания вообще и гуманитаристики, в частности. Происходящие в науке процессы демонстрирует две противоположных, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, усиливается специализация различных дисциплин, а с другой стороны, очевидны отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к научному синтезу. При этом каждое новое направление приходит под лозунгом «большой научности» в объяснении тех или иных явлений природы и общества.

История науки свидетельствует о том, что не существует единого для всех отраслей научного знания вектора развития. С одной стороны, их развитие подчиняется некой внутренней логике, а с другой, научные дисциплины по-разному реагируют на внешние вызовы. В этом плане показателен опыт исторической науки, когда профессионализация и укрепление дисциплинарного суверенитета сопровождалась падением общественного престижа и, в силу этого, снижением интереса со стороны властей [1]. А ведь совсем недавно ни одно идейное направление или движение не обходились без «своей» истории [2].

Усиление в последние годы дробления исторических дисциплин объясняется, помимо постмодернистского влияния, результатом указанной профессионализации [3]. Семейство «новых историй» [4] (политической, экономической, социальной и интеллектуальной) пополнилось за счет «новой культурной», «новой локальной», «новой культурно-интеллектуальной» и прочих исторических субдисциплин [5]. Звучат даже предложения обозначить сложившийся историографический феномен как «новую новую» или «новейшую историю» [6]. Но, одновременно, наметилась тенденция к объединению всех этих направлений, прежде всего, в рамках расширительно трактуемой «новой социальной истории» [7]. Тем самым актуализируется высказанная еще Люсьеном Февром мысль о том, что *«существует история как таковая во всей своей целостности»* [8].

Эпистемологические поиски способствовали формированию полидисциплинарной теории знания о Человеке, открывающей возможность выходить за пределы узко дисциплинарных дискурсов. В свою очередь, процессы интеграции и дезинтеграции исторического знания оказываются взаимосвязаны в силу того, что расширение интеграционного поля является следствием и итогом растущей научной специализации [9].

Но независимо от того, какими видятся пути развития исторического знания, современные приверженцы «новой истории» все чаще высказываются в пользу того, чтобы считать ее современный этап временем новой научной парадигмой. Какие же аргументы приводятся в пользу парадигмального сдвига, связанного с современным состоянием «новых историй»? Во-первых, наличие кризиса исторической науки, связанного с появлением целого ряда необъяснимых с позиций традиционного исторического знания фактов, и **формирование альтернативных теорий**. Во-вторых, формирование локальных научных сообществ и **появление признанных авторитетов**, выступающих движущей силой развития и продвижения в научное сообщество новых идей. В-третьих, **наличие качественных изменений** в структуре научных знаний.

Напомним, что категория «парадигма» (от греческого *παράδειγμα* - пример, модель, образец) означает совокупность явных и неявных предпосылок, определяющих научные исследования и признанных на данном этапе развития науки. Во всех сложившихся научных дисциплинах существует свой «своеобразный эталон», который как трафарет накладывается на реальный объект [10]. Другими словами, парадигма - это то, что объединяет членов научного сообщества, которое, в свою очередь, состоит из людей, признающих определенную парадигму[11].

Посмотрим, так ли это? Ведь в начале XX в. переход от нарратива «старой» истории к интерпретационной парадигме исторического исследования уже расценивался как «коперниканский» переворот в историографии. Еще в 1912 г. американский историк Джеймсон Робинсон в

книге «Новая история: этюды, иллюстрирующие перспективу в современной истории» манифестировал наступление эры «новой» истории, понимаемой им как история «обыденного человека»[12].

Но пионером «новой истории» и ее признанным лидером стала Франция, где предтечами нового направления выступили Анри Берр с его «Журналом исторического синтеза» (1900) и Марк Блок и Люсьен Февр с «Анналами экономической и социальной истории» (1929). Именно в рамках школы «Анналов» «новая история» оформилась институционально и получила свое эпистемологическое и методологическое выражение. Более того, исторические институты Франции стали признанными центрами междисциплинарного сотрудничества и перестройки структуры гуманитарного знания, как в стране, так и за ее пределами [13]. Сторонники «новой исторической науки» (или «новой социальной истории»), исходя из идеи единства гуманитарных и социальных наук, отводили истории особое положение аналитической дисциплины [14].

Французская «новая историческая наука» 1970-1980-х, при всей своей специфичности, как по своему происхождению, так и многими исследовательскими подходами связана со школой «Анналов». Характерный для анналистов междисциплинарный подход включал теперь не только социологию и психологию [15], но также демографию, этнографию, антропологию и лингвистику. На первый план в исследованиях представителей школы «Анналов» третьей волны (Жак Ле Гофф, Жорж Дюби, Мишель Вовель), в противовес лишенной человека глобальной истории Фернана Броделя, выдвинулись «антропологическая история» и «история ментальности». Но с 1980-х гг. появилась новая плеяда историков во главе с Аленом Буро и Роже Шартье, ревизующих воззрения их предшественников. В частности, не отрицая роли изучения ментальности при разработке «тотальной» истории, Буро в качестве главной задачи новой «специальной истории ментальностей» выдвинул изучение того, как общие представления превращаются в индивидуальные. Впрочем, сам историк не

претендует на лавры основателя нового исследовательского направления, считая, что основные идеи могут быть отнесены к творчеству Эрнста Кассирера и Мишеля Фуко. В свою очередь, Шартье для преодоления эпистемологических трудностей, предлагает анналистам отказываться от проекта глобальной истории. Он отказывает текстам в смысловой универсальности в силу множественности культурных дифференциаций и традиций чтения. В силу этого главным инструментом социально-культурного анализа становятся представления людей, рождаемые из потребности сделать это общество «менее непрозрачным» и более доступным для восприятия [16]. То есть представители школы «Анналов» четвертой волны не высказывают претензий не только на парадигмальный сдвиг, но даже на тотальность объяснительных конструкций, которая всегда была одним из основополагающих принципов историзма «новой истории», наряду с проблемностью и открытостью.

На рубеже 1970-80-х гг. в русле «новой истории» формируется новая исследовательская стратегия культурной истории и исторической антропологии, выдвинувшая на первый план изучение культурного механизма социального взаимодействия в разных областях жизни социума и способов репрезентации исторической реальности. В свою очередь, разграничение между реальностью и ее осмыслением стимулировало развитие такого направления как «интеллектуальная история» с ее интересом к социальным навыкам мышления и миру воображения [17]. Но в общих чертах данная методологическая ориентация присутствовала уже у основателей школы «Анналов», в силу чего не может претендовать на статус новой историографической парадигмы.

Более того, сегодня «новая история», наряду с другими формами профессионального языка, снова апеллирует к историческому нарративу [18], хотя и на ином уровне аналитических возможностей и профессионального сознания. В частности, озвучиваются претензии на разработку нового варианта «исторического реализма», основанного на дискурсивной природе

человеческой жизни. Например, «реабилитация» политической истории поставила в исследовательский фокус «человека в политике» и проблемы власти как таковой и, прежде всего, ее символики и знаковых систем. «Новые» политические историки считают, что политика, как лингвистически сконструированный феномен, может быть познана только через языковые формы. Да и в рамках «новой истории» в целом расширяется сфера политических исследований, интерпретируемых как социолого-политический, лингво-политический или семиотико-политический анализ общества [19]. А с середины 1990-х гг. отчетливо проступила еще одна тенденция, заключающаяся в отходе от радикальных лингвистических и культурологических позиций.

Возвращаясь к вопросу о том, имеем ли мы дело с формированием новой исторической парадигмы, отметим наличие широкого спектра альтернативных теорий, концепций и направлений (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные направления «новой истории»

Но ни одно из них не выполняет той интегрирующей роли, на которую оказались способны в свое время французская школа «Анналов», американская «социальная научная история» или немецкая *Gesellschaftsgeschichte* (Билефельдская школа). Отчасти это вызвано

сложностью научного языка (постмодернистского и деконструктивистского) «новых историй», частично - дроблением предмета истории. Чрезмерное разветвление исторических исследований («тоннельная история»), на практике ведет к тому, что некоторые темы и проблемы (например, история чихания или курения) выглядят как случайные. Все большая специализация исторического знания угрожает потерей связей между историками, работающими с различными эпохами и странами. Тем самым барьеры и расстояния между отдельными историческими субдисциплинами увеличиваются, а перспективы «тотальной истории» становятся все более туманными.

Кроме того, одно из главных методологических достоинств «новой истории» - установка на междисциплинарный синтез – делает ее объектом методологической «агрессии» других наук, что, в свою очередь, размывает границы профессиональной историографии и препятствует реализации собственного интеграционного потенциала. Специфично (хотя и объяснимо постмодернистским дискурсом) понимание «новой историей» междисциплинарного подхода как артефакта культуры и характеристики состояния интеллекта, что лишает сам подход инструментальности. В итоге, в «новой исторической науке», по сей день, отсутствует общая теория исторического процесса.

И, наконец, нередко в новых концептах современных направлений исторического знания можно увидеть «давно забытое» (или даже не забытое) «старое». Например, активно пробивающая собственный путь на историческом поле «новая локальная история» ориентирована на снятие традиционного противопоставления между «главным» и «периферийным» в исторических исследованиях, когда историей становится буквально всё. При этом «исторический ландшафт» историк обязан выстроить сам [20]. Но изменение исследовательского масштаба (причем, не только размеров, но и формы, и содержания объекта исследования) является принципом и сущностной чертой микроистории. Именно микроисторики впервые

обратились к поведенческой сфере, социальному опыту и групповым идентичностям. Также они изменили саму процедуру анализа: текст не помещался в некий глобальный контекст, а реконструировалось множество контекстов [21].

Таким образом, претензии «новых историй» на статус новой парадигмы далеко не всегда обоснованы. Очевидно, что сегодня отсутствует общий историографический проект, способный объединить значительное число историков из разных стран. Нет и фигур, подобных Леопольду фон Ранке или Фернану Броделю, способных возглавить новое историческое сообщество. Также вряд ли развитие «междисциплинарных исследований» само по себе приведет к созданию некой «междисциплинарной истории».

Однако следует признать, что современный этап развития исторической науки (и, прежде всего, «новых историй») демонстрирует ряд новых методологических установок. В частности, постепенно меняется прежняя установка историографии на приоритет текста: в центр историографической операции становится сам историк как субъект исторического познания [22]. Кроме того, при всей специфичности отдельных направлений «новой истории» (в территориальном и проблемном плане) выработались общие эпистемологические принципы:

во-первых, отрицание позитивистского историографического опыта с присущими ему представлениями об истории, пересказывающей содержание источников. «Истории-повествованию» противопоставлена «история-проблема», нацеленная на реконструкцию скрытых в источниках представлений, стереотипов поведения и социально-психологических установок;

во-вторых, акцент на «тотальности» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр исторической реконструкции «рядового» человека и манифестирующей мультикультурность мира;

в-третьих, конституирование нового принципа исторической хронологии, в основу которой положены открытие различных ритмов временных изменений и датировка исторических феноменов с точки зрения их продолжительности и эффективности функционирования;

в-четвертых, необходимость междисциплинарности в рамках наук о человеке при определяющей роли истории;

в-пятых, сохранившееся позитивистское убеждение в сходстве истории с социальными науками, всегда видевшими образец в естествознании, и уверенность в способности истории «предвидеть» будущее с помощью прогнозов и даже предсказаний.[23].

Следует признать, что «новая историческая наука» сегодня стала влиятельным и в научном отношении многообещающим направлением. Все это, вместе взятое, позволяет говорить, что у «новой истории» есть серьезный потенциал (институциональный, организационный и интеллектуальный) для формирования общей системы подходов, принципов источниковедческого и историографического анализа, и исследовательского инструментария. Только в таком виде (а не в качестве собирательного наименования) все богатство представленных в ней направлений и центров способно объединить значительную часть исторического сообщества, рассыпанного на отдельные интеллектуальные группы, «варящиеся в собственном соку». Местом «сборки» может выступить именно историографическая «площадка», так как только непредвзятый историографический анализ сложившейся на историческом «рынке» ситуации позволит выявить наметившиеся точки соприкосновения и возможного субдисциплинарного диалога.

Литература

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. – М., 2003. – С. 8-10.
2. Подробнее по этому вопросу см.: Орлов И.Б. Социогуманитарное знание на распутье: истина, власть или бизнес? // Российская

- гуманитарная наука: генезис и состояние. Материалы научного семинара. Вып. 2. – М., 2007. – С. 187-189.
3. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: Пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 363.
 4. С 1980-1990-х гг. все чаще для обозначения всех направлений, так или иначе оппозиционных позитивизму, используется собирательное понятие «новая история».
 5. Так, экзистенциальные переживания отдельных людей, которые прежде находились в тени истории стали главным объектом изучения формирующейся «новой социокультурной истории».
 6. Олабарри И. «Новая» новая история: структура большой длительности // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. –Х., 2004. – Вып. 2. – С. 176, 183-184.
 7. Наглядным примером может служить изменение в 1994 г. подзаголовка журнала «Анналы» с «Экономики. Общества. Цивилизации» на новый – «История - социальная наука», что издатели объясняют расширением проблематики за счет более основательного обращения к политике и проблемам современности.
 8. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 71.
 9. Движение к «человеку» и «тотальность» подхода к его изучению в разных дисциплинах гуманитарного цикла во второй половине столетия привели к утверждению новых научных направлений (этологии, семиологии и др.), развитию междисциплинарности (историческая антропология, историческая психология, историческая социология и пр.) и обновлению на уровне проблематики традиционных наук («новые науки»).
 10. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003. – С. 96.
 11. При этом сам термин «парадигма» сохраняет свою многозначность. Так, в грамматике он обозначает «слово, служащее образцом склонения

или спряжения», а в риторике - «пример, взятый из истории и приведенный с целью сравнения». В лингвистике Фердинанд де Соссюр обозначал этим понятием класс элементов, имеющих схожие свойства. В философии и социологии науки с конца 1960-х гг. в термин «парадигма» стали использовать для обозначения исходной концептуальной схемы, модели постановки и решения проблем, а также ведущей теории науки. В методологии науки парадигма трактуется как совокупность ценностей, методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени. Томас Кун вообще предлагал рассматривать парадигму в качестве целого мировоззрения.

12. Ястребицкая А.Л. «Новая история» // Культурология. XX век. Энциклопедия в 2-х тт. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 92.
13. Но распространение «новой истории» во всех европейских странах и США не было простым копированием французской историографии. Не отрицая влияния «Школы Анналов» на национальные историографии, можно констатировать наличие собственных историографических традиций и даже школ. В качестве состоявшихся можно отметить Билефельдскую школу социальной истории, Кембриджскую группу по истории народонаселения и социальных структур, Институт истории Макса Планка в Гейдельберге и пр.
14. Ястребицкая А.Л. Указ. соч. – С. 91.
15. Если Л. Февр отдавал предпочтение психологии, то М. Блок опирался на социологическую традицию.
16. См.: Историческая наука второй половины XX века (1945 – середина 1990-х гг.) [Электронный ресурс] // История США в МГУ. URL: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/dementyev/part2/part2_vv.htm

17. При этом исторический мир воссоздается с помощью воображения историка и, воссозданный, исследуется вновь как собственно историческая реальность.
18. Вспомним, что под влиянием постмодернистской эпистемологической революции 1970-х годов «новая» история отвергла как основной предмет «старой» истории (политические события), так и ее ведущий методологический прием – нарратив.
19. См.: Кукарцева М.А. Современная философия истории США. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 215 с. [Электронный ресурс] // ABUSS... URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/kukartzeva2_3.htm
20. Маловичко С.И. Новая локальная история в России: рефлексия о коммуникативной открытости // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: Материалы научной конференции 28-29 апреля 2005 г. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 132.
21. Леви Д. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 169,172,180-182; Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Там же. – С. 236,238,240-242,246-247,252.
22. См.: Маловичко С.И., Орлов И.Б. «Новая локальная история»: познавательные и интеграционные возможности // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Материалы Всерос. научн. конф. Казань, 5-7 октября 2006 г. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 46-50.
23. Подробнее по этому вопросу см.: Олабарри И. Указ. соч. – С. 183; Ястребицкая А.Л. Указ. соч. – С. 92-94.